

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.В. ПЕРЕВАЛОВА
(Волгоград)

«О ДНЯХ ВОЙНЫ, ПРИНЕСШИХ МИРУ МИР...»: ТЕМА ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тема памяти рассмотрена как основная, определяющая и в XX в., и в начале нового тысячелетия содержание образной системы и структурные особенности в прозе и поэзии художников, прошедших Великую Отечественную войну рядовыми и младшими командирами переднего края.

Ключевые слова: *Родина, Сталинградская битва, память, «лейтенантская» проза, «фронтовая» лирика, герой, автор.*

Литература о Великой Отечественной войне – настолько масштабное явление, что время над ним не властно. Сколько бы лет ни прошло со дня выстраданной Победы, воспоминания очевидцев и произведения писателей-фронтовиков неизменно тревожат души наших соотечественников всех поколений: в них – невиданный трагизм пережитого народом и его беспримерный подвиг. Свою достойную лепту в это вносит и литература, созданная поколением «мальчиков и девочек – лейтенантов России» (С. Орлов), встретивших 1941-й в ранней юности, но сумевших рассказать о ней только в середине 1950-х. Конечно, в послевоенные годы вдохновляющим образцом для творческой молодежи, готовившейся запечатлеть фронтовую память в слове, была повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946). Но только в годы начавшейся «оттепели», после 1956 г., «громко заявила о себе «литература лейтенантов» (Л. Левицкий). Неоценимую помощь начинающим авторам оказал поэт старшего поколения А.Т. Твардовский, создатель бессмертного «Василия Теркина» (1945), где отразились и отступление первых месяцев, и оборона, и достойно пройденная «дорога на Берлин». Героя Твардовского любил и знал весь воюющий народ, на фронте всегда с нетерпением ждали «каждого нового

отрывка о нем. Недозволительным считалось листок дивизионной газеты с «Теркиным» пустить на раскрутку» [19, с. 16]. Это А.Т. Твардовский, большой человек, поэт, взыскательный критик и редактор послевоенного «Нового мира», дерзнул предоставить страницы журнала «лейтенантам». А его стихотворение «Я убит подо Ржевом» (1946) словно наметило для них те «маршруты памяти», по которым двинулись вперед «эшелоны военной прозы» (И. Дедков) Г. Бакланова, Е. Носова, В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Бондарева и «родственной ей поэзии Константина Ваншенкина, Евгения Винокурова, Михаила Дудина, Юрия Левитанского, Александра Межирова, Сергея Орлова, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого, стремящейся запечатлеть войну во всем ее истинном, неприкрашенном обличье, неимоверном напряжении, требующем жертв, поступков и решений, от которых порой готово разорваться сердце и потом десятилетиями кровоточат душа, память, совесть» [23].

«Я убит подо Ржевом,/Тот еще под Москвой» – эти строки Твардовского буквально отозвались в «лейтенантской» прозе. Повесть К.Д. Воробьева «Убиты под Москвой» (1963) предваряют строки: «Нам свои боевые / Не носить ордена...» Эти слова А.Т. Твардовского, ставшие эпиграфом, выполняют роль эпилога: Воробьев рассказывает о гибели учебной роты кремлевских курсантов в тяжелейший для нашей страны период: «пятый месяц немцы безудержно продвигались вперед, к Москве» [8, с. 156]. Важно, что идут первые дни войны, «невероятная явь» которой еще не постучалась в душу каждого. Это тем более потрясает, что в центре повести – «двести сорок человек. И все одного роста» – «сто восемьдесят три» – кремлевская рота. Исследователи справедливо отмечают: в прозе К. Воробьева поражают чистота и точность найденной интонации, безошибочное чувство ритма» [15, с. 175]. Что касается «Убитых под Москвой», то, очевидно, ритм и интонация в ней подсказаны стихотворением Твардовского. «Я убит подо Ржевом» написано редко встречающимся двустопным анапестом, метрический рисунок которого просматривается и в начальных строках повести К. Воробьева: «Учебная рота кремлевских курсантов шла на фронт. В ту пору с утра и до ночи с подмосковных полей не рассеивалась голубовато-призрачная мгла, будто тут сроду не было восходов солнца, будто оно навсегда застряло на закате, откуда и

наплывало это пахучее сумеречное лихо – гарь от сгивших там “населенных пунктов”» [8, с. 150]. Курсанты, готовые к подвигу, искренне верившие в то, что будут «бить врага только на его территории», в начале своего марша не думают об опасности, несколько бравирюя и элитарностью своего подразделения, и молодцеватостью собственной выправки. Их радует то, что «снег пошел в полдень – легкий, сухой, голубой. <... > и роте сразу стало легче идти: ногам сообщалось что-то бодрое и веселое, как при музыке» [Там же, с. 151], даже первая фронтовая команда «Воздух!» прозвучала «торжественно-напряженно, как на параде». Молодые романтики представляют фронт «зримым и величественным сооружением из железобетона, огня и человеческой плоти, и они шли не к нему, а в него, чтобы заселить и оживить один из его временно примолкших бастионов...» [Там же]. Прочитав повесть, писатель-фронтовик В.П. Астафьев, сам в юности «хлебнувший окопной жизни, крови и слез», с отеческой болью скажет о героях Воробьева: оттого что это «не просто рота, трагедия ее по-особому страшная, и хочется кричать от боли. <... > Хочется загородить собою этих молодых ребят, вооруженных “новейшими винтовками” СВТ, которые годны были лишь для парадов, и остановить самих курсантов, идущих на позиции с парадным, шапкозакидательским настроением» [2, с. 255]. «Думающая проза» (Е. Носов) К. Воробьева вызывает в читателя и желание вместе с погибшими и чудом уцелевшими курсантами, пережившими окружение, бомбежку, душевную опустошенность, понять: «Куда подевалась наша авиация? Где наши асы, поражавшие довоенный мир своими рекордами? Где наши танки? Где артиллерия?» [4, с. 188] и осознать: помощи ждать не приходится, все предстоит решать самому. К такому выводу приходит оставшийся в живых лейтенант Алексей Ястребов, впечатлительное юношеское сердце которого оказывается способным вместить не только собственные мучения, но и страдания своей Родины, «переплавив», по словам А. Ахматовой, «боль свою в силу».

Сам К. Воробьев пережил многое из того, что выпало на долю его героя: окончив по ускоренной программе Кремлевское военное училище, будущий писатель в звании лейтенанта участвовал в боях под Москвой, попал в плен, прошел фашистские лагеря, в том числе «балтийский Освенцим» – всему миру известный нацистский концлагерь Саласпилс. Не «исправительно-трудовой лагерь», как сегод-

ня называют его те, кто усиленно хочет «скорректировать» правду о Второй мировой и преуменьшить роль нашего народа в победе над фашизмом, а настоящая «фабрика смерти». Здесь «были уничтожены 53 тысячи человек, а включая филиалы концлагеря – свыше 100000 человек. В том числе от 7 до 12 тысяч детей, из которых выкачивали кровь для раненых гитлеровцев (не менее 3500 тонн крови, по оценкам экспертной комиссии), испытывали на них действие различных ядов» [23]. О том, как это было, рассказывает не только Саласпилский мемориал, на бетонных плитах которого – слова: «За этой стеной стонет земля», не только документалисты-историки, но и книги художника-фронтовика К. Воробьева. Его повесть поведала трагическую правду о нашем тягостном отступлении в 1941-м, о «немецкой легкости, когда, при лиху закатанных по локоть рукавах, секли превосходными автоматами от живота по красноармейцам, <... > о малодушии тех, кто спешили свинтить шпалы с петлиц и порвать свои документы» [20, с. 180]. Ястребов не из числа тех, кто так «спешил»: Алексей «рукавом гимнастерки старательно очистил петлицы от налипшего песка и глины. Кубари были целы» [8, с. 207], – читаем в конце повести К. Воробьева. Конечно, мотив обреченности, заложенный в самом названии – «Убиты под Москвой» – и в эпиграфе из эмоционально сильного стихотворения Твардовского, распространяется на судьбу лейтенанта Ястребова. Но все-таки не гибельной безнадёжностью, а верой в жизнь исполнен этот образ: победа Алексея над собой воспринимается как победа сил жизни. Все перенес молодой лейтенант: «горе, голод, усталость и ребяческую обиду на то, что никто не видел, как он сжег танк» [Там же], в одиночку, фашистский танк. Но главное – после первого боя, познакомившего Ястребова с нелегкой «наукой ненависти» (М. Шолохов), «он почти физически ощутил, как растаяла в нем тень страха перед собственной смертью» [Там же, с. 204], как «вскипела ярость благородная», обозначив время рождения защитника Родины.

В снежных, изрытых взрывами и боевой техникой «полях под Москвой» пришлось раньше срока возмужать и Борису Куняеву, служившему в танковом десанте, о котором он с болью рассказал в своем стихотворении 1974 г.:

Рожденья двадцать второго года,
Танковый десант.
Ребята нашего взвода –
Кандидаты на небеса [13, с. 64].

Известно, что из ребят 1922–1924 гг. рождения с войны вернулось не более трех процентов. Борис Куняев, вернувшись, все-таки остался там, на фронте, навсегда закрепленном в солдатской памяти. Переживания, связанные с личным опытом, окрашивают всю лирику поэта, выявляя продуманность важнейших акцентов: наша армия воевала не против немцев, а против фашистских захватчиков. Это особенно отчетливо прозвучало в «Бетховене» (1962), где речь идет о действенной, врачующей силе музыки немецкого композитора, о музыке, не требующей перевода, не признающей никаких границ и принадлежащей всему миру :

Мы кусали шинели,
Мы синели от боли,
Мы лежали вповалку
В старом мрачном костеле.
.....
Чтобы не закричать –
Как-никак за граница, –
Все шептал генерал:
«Ох, сестрица, сестрица!».
.....
А филолог слепой,
Весь изодранный в клочья,
Умирал, как сапер,
Стиснув челюсти, молча.
Вдруг с перин-облаков,
Где угодников гномы,
В нашу боль, в нашу кровь
Лавой рухнули громы.
В нашу боль, в нашу боль,
Величав и греховен,
Как союзник входил
Неподкупный Бетховен.
И представились нам
Дом, вихры ребятишек...
Нестерпимая боль
Стала дальше и тише.
И сказал мой сосед,
Как бумага бескровен:
«Видно, русским он был,
Этот самый Бетховен!» [12, с. 102–103].

Некоторые стихотворения Б. Куняева пришли к читателям только в 1989 г. после ухода из жизни самого автора, не признававшего «подрюмяненного» в угоду власти избрания войны и раскрывавшего правду ее кровавой «арифметики», сдвигая напряженность фронтовых эпизодов в глубь солдатской души:

Когда ревут стальные полчища,
Взвалив десант на бычьи спины,
То командир живет лишь полчаса,
А рядовые – половину.

.....
И мир чадил горелым мясом,
И мы чужую сталь
таранили...
Атака длилась меньше часа.
В живых от роты –
двое раненых [14].

Намеченная А.Т. Твардовским в первый послевоенный год «ржевская» тема тоже обретает своих авторов и пополняется новыми произведениями. Среди них Вячеслав Кондратьев с его повестями и рассказами. Мысль о литературном творчестве пришла к нему через много лет после войны: повесть «Сашка» (1979), посвященная всем воевавшим «подо Ржевом – мертвым и живым», была опубликована за год до шестидесятилетия автора. Поздний писательский дебют не сказался на глубине раскрытия характера главного героя, которому двадцать два года, столько же, сколько было самому писателю, когда он, как и его Сашка, воевал подо Ржевом в 1942 г. Сказовая форма повествования, позволяющая художнику передать мировосприятие неречистого деревенского паренька, на своих плечах вынесшего войну, помогает писателю создать яркий народный характер. «Задумался Сашка... Осенью ровно три года будет, как покинул он свой дом. <...> Конечно, никто в уме не держал, что так обернется. Думали, будем бить гадов на чужой территории и малой кровью. Не вышло! По-другому завертелось. И нету войне пока конца-краю, и достается на ней всем – и военным, и гражданским» [11, с. 3]. О том, как «доставалось», писатель с чувством горечи и гордости за свое поколение поведал и в рассказе «Знаменательная дата» (1981), где действие разворачивается в 1970-х гг., но героифронтники до сих пор досаждают от того, что в одном из боев «подо Ржевом в сорок втором мы три деревеньки брали, брали, так и не осилили» ...» [10, с. 102], до сих пор видят все «рытвинки» на израненной земле, «даже запах войны чувуют» и слышат ее звуки («пули кругом – фюить, фюить...» [Там же]), удивляясь, «как это они пережили, выдержали, совершили... Ведь что ни говори, а они же с п а с л и Россию...» [Там же, с. 118]. Своей «ржевской» прозой Вячеслав Кондратьев словно отвечает погибшему герою из стихотворения А.Т. Твардовского:

Фронт горел, не стихая,
 Как на теле рубец.
 Я убит и не знаю,
 Наш ли Ржев наконец [21, с. 117]?

«Ржев наш!» – подтверждает В. Кондрачев. Взять этот крупный железнодорожный узел, средоточие автомобильных трасс, значило отвести военную угрозу от Москвы и, сковав на «ржевском выступе» основные силы группы армий «Центр», не позволить фашистам перебросить дополнительные резервы под Сталинград и на Кавказ. Ржев был освобожден третьего марта 1943 г. До этого – семнадцать месяцев оккупации, боев, непомерных страданий, о чем рассказывается и в повести «Ворошенный жар» (1984). Ее автор Елена Ржевская (Е. Каган), в качестве военного переводчика прикомандированная к штабу одного из полков, бившихся за город, двадцатилетней принявшая там боевое крещение и взявшая себе псевдоним в память об этом незабываемом времени: «В дымящихся руинах и развалинах лежал отвоеванный нами город. Были разрушены все промышленные предприятия, железнодорожный узел, уничтожены школы, больницы, театры, сады и парки. Из пяти с половиной тысяч жилых домов осталось около трехсот домиков на окраине» [16, с. 35]. Заключительный этап фронтовой биографии этого автора, гвардии лейтенанта, – штурм Берлина, участие в работе разведгруппы, идентифицировавшей останки Гитлера в самой рейхсканцелярии. Об этом художественно-документальная повесть «Берлин, май 1945» (1988). Однако ржевская «нота», что ввела писательницу в круг художников «лейтенантской» прозы с ее ориентацией на «окопную» правду и рядовых героев великих сражений, с ее умением воспроизвести атмосферу солдатского братства и сами «будни войны» через детали и подробности фронтового быта – главное качество ее творчества. Вот и в рассказе «Жив, браток?» прямой речью восстанавливаются именно солдатские переживания: «Наш полк занял село Просяное двадцать пятого февраля сорок третьего года. <...> Ночь звездная, без луны. Мороз двадцать градусов. <...> Танки стояли на улице. Мы, солдаты, на ходу спим, к гусеницам привалились» [17, с. 4]. По-видимому, филологическое «чутье» подсказывает это «мы, солдаты»: Е. Ржевская ушла на фронт студенткой Московского института философии, литературы и искусства. Филологом был и ее муж, Павел Коган, учившийся в МИФЛИ и в Литературном институте. Создатель бессмертной «Бриган-

тины», в военное время тоже служивший военным переводчиком, погиб в разведке под Новороссийском в сентябре 1942 г. Конечно, будущая писательница не могла не заметить, что родное слово откликается на запросы сурового времени, восстанавливая преемственность воинских традиций русской армии. Слово «солдат», ставшее фактом пассивного словаря в связи с ликвидацией царской армии, в годы Великой Отечественной войны начинает выступать в качестве параллельного наименования защитника Родины, синонимизируясь с рядом лексем: «боец», «красногвардеец», «воин» [9, с. 86]. Солдатская речь позволяет Ржевской передать эмоциональное потрясение, переживаемое героем рассказа «Жив, браток?», и читателям ощутить ужасающую атмосферу ночного боя. «Вдруг через полчаса – ух! ... Еще – ух! – поближе... Я хотел только сказать: меняй положение, ребята. Ух! – и в дом, у которого мы. Один товарищ справа и другой слева, в спины попало, лежат насмерть. Дом разлетелся. Я встаю и падаю. Встаю и падаю» [17, с. 4]. Это правда: в прозе Ржевской «память – конструктивный элемент, определяющий содержание, форму, жанр» [5, с. 314]. Но в приведенном выше фрагменте не воспоминания о войне, а сама война, заново переживаемая и беспощадно калечащая людские судьбы. Писательнице принадлежит наблюдение: «43-й – год перелома – перекресток войны, истории. ... Высокой трагедии – а мы ее пережили – присущ катарсис – просветление. Жизнь идет дальше. Она нуждается в поддержке надеждой» [18]. Такая спасительная надежда звучит и в рассматриваемом рассказе: «Наутро: “Ты жив, браток?” – “Жив”» [17, с. 5].

Непобедимой силой жизни характеризуются и произведения о Сталинградской битве, продолжающие «географию» сражений, намеченную А.Т. Твардовским в стихотворении «Я убит подо Ржевом»:

Подсчитайте, живые,
 Сколько сроку назад
 Был на фронте впервые
 Назван вдруг Сталинград [21, с. 117].

Боевая жизнь Сталинградского фронта – в основе произведений, созданных писателями, кто в молодости здесь воевал, одерживая победу не только над врагом, но и над собственными сомнениями, колебаниями и страхом: в романе «Горячий снег» (1969) Ю. Бондарева и в романе М. Алексеева «Мой Сталинград» (1993–2003). Драматизм фронтовых реалий доносят до сегодняшних чита-

телей новые публицистические и поэтические строки писателей-сталинградцев. Своего рода продолжением «Горячего снега» становятся длянщиеся «Мгновения» – так называется цикл прозаических зарисовок Ю.В. Бондарева, некоторые из них высвечивают незабываемые картины битвы на Волге. В «Сохраненной судьбой» достигнутому своего девятилетнего автору отчетливо вспоминается возвращение с фронта «молодых, здоровых, <...> отделавшихся легкими ранениями, которые в двадцать лет не помешали верить в счастливое везение, обещавшее всю жизнь впереди»; упоминается и об артиллеристах (сам Ю.В. Бондарев служил в этих войсках), «сжигавших прямой наводкой немецкие танки на долгом пути от Сталинграда до Зееловских высот» [6]. Оттуда, из самого пекла сталинградских боев, доносится до сегодняшних читателей и молодой голос М. Алексеева, по счастью, тоже милостиво «сохраненной судьбой». А тогда, в изнуряющие месяцы обороны Сталинграда, политрук минометной роты, чудом сохраняя в себе душевный свет, выкраивал «мгновения», чтобы писать короткие письма близкой девушке. Ольга Николаевна Кондрашенко бережно их сохранила, некоторые вошли в тот вариант «Моего Сталинграда» (2003), который успел отредактировать сам автор, другие опубликованы позднее. Среди них есть и «стихотворные» письма. К шестидесятилетию победы «Литературная газета» напечатала декабрём 1943 г. помеченное М. Алексеевым стихотворение «Курган». В нем молодой офицер так характеризует наразрывную связь своей жизни с судьбой фронтового поколения и самой Родины:

Вся ночь – подготовка к делу,
Приказ боевой нам дан:
С рассветом атакой смелой
Отбить у врага курган.
.....
Бойцы – ребята лихие!
Рванула вперед их месть,
Как будто сама Россия
Вот этот курган и есть.
В сердце простом солдата
Жил каждый его наказ.
И взяли курган ребята –
Выполнен был приказ [1].

По-разному сложились послевоенные жизни и творческие судьбы художников «лейтенантского» поколения, но их неизменно объ-

единяют верность идеалам фронтовой юности и особенное качество «исторического синхронизма», т. е. способность жить в современности, не покидая ни поля боя, ни своих боевых товарищей. Оттого их по-фронтовому «передегивает» любая встреча с предательством, трусостью, подлостью. Как сказал К. Ваншенкин, когда-то семнадцатилетним ушедший на передовую:

Было немало вздорного
В жизни моей с тех пор,
Опять меня передернуло,
Как боевой затвор [7].

В творчестве «вернувшихся» («Вернувшийся» – название последнего сборника стихотворений К. Ваншенкина, изданного к шестидесятипятой годовщине Победы) постоянным было «незримое наложение сегодняшних тревог, сегодняшнего желания понять жизнь и сказать о ней людям нужное слово – на то, что они знают о прошлом» [3, с. 189]. В том далеком фронтовом прошлом были сформированы необходимые и сегодня представления о том, что значит пушкинское «беречь честь смолоду», что такое любовь к Родине и долг перед ней, отодвигающий на второй план вопросы «частной» жизни: «Есть у человека долг и право... Долг и право... Долг!» (А. Межиров). Вот почему на марше Бессмертного полка, ставшего символом веры нашего народа, «лейтенантские следы» (П. Булушев) никогда не сотрут годы!

Список литературы

1. Алексеев М. «К нашему грядущему свиданию...» // Литературная газета. 2005. 6–12 мая.
2. Астафьев В.П. Посох памяти. М.: Современник, 1980.
3. Бакланов Г. «Теперь, когда прошло столько лет...» // Вопросы литературы. 1983. № 1. С. 177–201.
4. Беляков С. Три портрета на фоне войны // Новый мир. 2008. № 9. С. 171–192.
5. Болдырев Ю. Долгая была война (О военных повестях и рассказах Елены Ржевской) // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в советской литературе. Вып. 4. М.: Худож. лит., 1985. С.314 – 318.
6. Бондарев Ю.В. Мгновения // Литературная газета. 2014. 12–18 марта.
7. Ваншенкин К. Женский портрет на фоне пейзажа // Литературная газета. 2012. 5–11 дек.
8. Воробьев К. Убиты под Москвой: повести. М.: Правда, 1989.

9. Кожин А.Н. Новые явления в русском языке периода Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 76–89.
10. Кондратьев В. Знаменательная дата // Знамя. 1981. № 6. С. 97–118.
11. Кондратьев В. Сашка. М.: Современник, 1986.
12. Куняев Б. Полюс мужества: стихи. М.: Сов. писатель, 1962.
13. Куняев Б. Ранняя роса: стихи. М.: Сов. писатель, 1982.
14. Куняев Б. Танковый десант // Знамя. 1989. № 2. С. 5.
15. Лавлинский Л. Биография подвига (О прозе К. Воробьева) // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в советской литературе. Вып. 4. М.: Худож. лит., 1985. С. 167–179.
16. Ржевская Е. Ворошенный жар // Новый мир. 1984. № 5. С. 6–76.
17. Ржевская Е. Жив, браток? // Новый мир. 1987. № 5. С. 3–11.
18. Ржевская Е. О самоценности жизни // Литературная газета. 1989. 2 авг.
19. Ржевская Е., Сергеева И. «Человек личного поступка» // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 12–18.
20. Солженицын А. Слово при вручении литературной премии Константину Воробьеву и Евгению Носову 25 апреля 2001 г. // Новый мир. 2001. № 5. С. 179–181.
21. Твардовский А.Т. Стихотворения; поэмы. М.: Худож. лит., 1984.
22. Тручевич С. Балтийский Освенцим // Литературная газета. 27 июня – 3 июля 2007.
23. Турков А. «И это все в меня запало ...»: заметки о военной литературе // Литературная газета. 1995. 9–19 мая.
8. Vorob'ev K. Ubity pod Moskvoy: povesti. M.: Pravda, 1989.
9. Kozhin A.N. Novye javlenija v russkom jazyke perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy jazykoznanija. 1985. № 6. S. 76–89.
10. Kondrat'ev V. Znamenatel'naja data // Znamja. 1981. № 6. S. 97–118.
11. Kondrat'ev V. Sashka. M.: Sovremennik, 1986.
12. Kunjaev B. Poljus muzhestva: stih. M.: Sov. pisatel', 1962.
13. Kunjaev B. Rannjaja rosa: stih. M.: Sov. pisatel', 1982.
14. Kunjaev B. Tankovyj desant // Znamja. 1989. № 2. S. 5.
15. Lavlinskij L. Biografija podviga (O proze K. Vorob'eva) // Literatura velikogo podviga: Velikaja Otechestvennaja vojna v sovetskoj literature. Vyp. 4. M.: Hudozh. lit., 1985. S. 167–179.
16. Rzhetskaja E. Voroshennyj zhar // Novyj mir. 1984. № 5. S. 6–76.
17. Rzhetskaja E. Zhiv, bratok? // Novyj mir. 1987. № 5. S. 3–11.
18. Rzhetskaja E. O samocennosti zhizni // Literaturnaja gazeta. 1989. 2 avg.
19. Rzhetskaja E., Sergeeva I. «Chelovek lichnogo postupka» // Literaturnoe obozrenie. 1995. № 3. S. 12–18.
20. Solzhenicyn A. Slovo pri vruchenii literaturnoj premii Konstantinu Vorob'evu i Evgeniju Nosovu 25 aprlja 2001 g. // Novyj mir. 2001. № 5. S. 179–181.
21. Tvardovskij A.T. Stihotvorenija; pojemy. M.: Hudozh. lit., 1984.
22. Truchevich S. Baltijskij Osvencim // Literaturnaja gazeta. 27 ijunja – 3 ijulja 2007.
23. Turkov A. «I jeto vse v menja zapalo ...»: zametki o voennoj literature // Literaturnaja gazeta. 1995. 9–19 maja.

* * *

1. Alekseev M. «K nashemu grjadushhemu svidaniju...» // Literaturnaja gazeta. 2005. 6–12 maja.
2. Astaf'ev V.P. Posoh pamjati. M.: Sovremennik, 1980.
3. Baklanov G. «Teper', kogda proshlo stol'ko let...» // Voprosy literatury. 1983. № 1. S. 177–201.
4. Beljakov S. Tri portreta na fone vojny // Novyj mir. 2008. № 9. S. 171–192.
5. Boldyrev Ju. Dolgaja byla vojna (O voennyh povestjah i rasskazah Eleny Rzhetsknoj) // Literatura velikogo podviga: Velikaja Otechestvennaja vojna v sovetskoj literature. Vyp. 4. M.: Hudozh. lit., 1985. S. 314–318.
6. Bondarev Ju. V.Mgnovenija // Literaturnaja gazeta. 2014. 12–18 marta.
7. Vanshenkin K. Zhenskij portret na fone pejzazha // Literaturnaja gazeta. 2012. 5–11 dek.

“О днях войны, принесших миру мир...”: theme of memory in fiction by veterans of the Great Patriotic War

The theme of memory is regarded as the primary one which both in the twentieth century and at the beginning of the new Millennium determines the contents of the image system and the structural features of prose and poetry of the artists who are the veterans of the Great Patriotic War.

Key words: *Motherland, the Battle of Stalingrad, memory, “lieutenant” prose, “frontline” lyrics, hero, character.*

(Статья поступила в редакцию 02.12.2016)